

ВСПОМИНАЯ ПЕТРА ПРОСКУРИНА

30 октября 2001 года в ЦДА прощались с Петром Лукичом Проскуриным — в почётном карауле у гроба стояли по очереди все русские писатели, потом были слова прощания, а после этого тело перевезли в храм Большого Вознесения (где в своё время венчались Пушкин с Натали) и там состоялось отпевание. Я пошёл из ЦДА в храм минут на пятнадцать раньше других — доплатил там за отпевание и купил для всех наших свечи. А потом подъехал автобус с гробом и подошли провожающие.

После окончания службы, гроб с телом Петра Лукича поставили в автобус и повезли на родную Брянскую землю. Хоронить его поехали Валерий Николаевич Ганичев, Борис Шереметьев, Владимир Костров с Галиной Степановной, Женя Шишкин, Вадим Арефьев — всего, наверное, человек десять.

* * *

22 января каждого года исполняется очередная годовщина рождения известному русскому писателю Петру Лукичу Проскурину (1928-2001), подарившему русской литературе и её преданным ценителям такие духоносно мощные романы и повести как «Любовь человеческая», «Исход», «Судьба», «Имя твоё», «Отречение», «Число зверя» и целый ряд других произведений, отличающихся необыкновенной психологической глубиной, искренностью чувств, патриотизмом и народностью. Я не могу сказать, что был близким другом Петра Лукича, хотя после нашей совместной поездки в Пензу и Тарханы на рубеже нынешнего тысячелетия, где мы участвовали с ним в мероприятиях Лермонтовского праздника и несколько дней пробыли вместе, между нами зародились очень хорошие и тёплые отношения, и вот сегодня, слушая слова других писателей (и неписателей) о значении и месте Проскурина в истории русской литературы, я подумал о том, что подлинное значение большого таланта иной раз в полной мере-то как раз и раскрывается только после его ухода из

жизни, когда обнажается пустота, которая ещё долго остаётся никем не заполненной. Это как с несущими конструкциями в архитектуре, когда, убрав во время ремонта какую-нибудь неприглядную с виду стену или колонну, только тогда и понимают, что как раз она-то и удерживала на себе весь многотонный свод перекрытия. Вот так и мы обнаруживаем масштабы наших национальных мыслителей лишь по размерам остающихся после их ухода дыр — чёрных дыр нашей культуры. И тут даже не важно, давали ли они своим творчеством ответы на вызовы времени или только ставили в своих романах новые вопросы — важно, что в отличие от творчества многих и многих других своих коллег, написанное ими заставляет нас вновь и вновь возвращаться к себе и, перечитывая давно, казалось бы, знакомые строки и страницы, пытаться отвечать на эти вопросы уже самостоятельно...

* * *

Продолжая постоянно думать о Петре Лукиче Проскурине, я полез недавно в первый номер журнала «Слово» за 2001 год и перечитал опубликованный там его рассказ «Мужчины белых ночей», в котором главный герой мучительно размышляет над тем, что произошло за последние годы с Россией и что можно в этой ситуации сделать для её спасения. «Я больше ничему не верю, — говорит он, ведя мысленный разговор со своим погибшим другом, — ни в народ, ни в совесть, ни в Бога. Русский человек оскотинился до маразма. Слепой кутёнок, тычется из стороны в сторону, и ни шага вперёд. Сам себе выбирает палачей, сам подставляет горло... души, режь, володей телом, я — тварь бессловесная, плесень на земле. Появилась и бесследно исчезла...»

К сожалению, для таких вот пессимистических и горьких мыслей в последние годы действительно появилось немало оснований, и те люди, которые населяют сегодня Россию — это уже совсем не тот русский народ, каким он нам известен по своей великой истории и о каком писал в своих романах Пётр Проскурин! Речь не о том, хуже этот народ или лучше описанного в трилогии «Любовь земная», он просто — другой, по разным объективным причинам утратившим те черты, которые выделяли его из сонма прочих народов. Примерно о том же, кстати, говорит в своих «Мгновениях» в этом же номере журнала «Слово» и Юрий Васильевич Бондарев, у которого я встретил следующие слова: «После того, что все мы возжелали сделать с Россией, мне стали совсем неинтересны мои соотечественники. Я уже не чувствовал к ним близкого родства, которое долго теплилось в моей жизни, особенно начиная с Великой войны. И позывало на тошноту от одной мысли, что Россия поругана и опозорена родными детьми...»

Я много думаю над тем, что же можно противопоставить нашествию цинизма и безнравственности, чем остановить разгул криминала и беззакония. Я понимаю, что причиной всего этого и вправду является наше собственное бездействие, однако, когда я перечитал в рассказе Проскурина «Мужчина белых ночей» то место, где его герой взрывает лесной дом отдыха вместе с «оттягивающимся» там губернатором и громадным числом обслуги в виде поваров, слуг и девочек для сауны, то я почувствовал в душе определённое сопротивление. Да, мне хочется, чтобы русский народ наконец-то очнулся от духовной спячки и сказал «нет» торжеству беззакония, но только не таким способом. Ведь на эту тему уже существует множество довольно увлекательных и смелых романов, написанных Анатолием Владимировичем Афанасьевым (1942-2003), но когда его герои начинают бороться с бандитами теми же методами, которыми те терроризируют население облюбованных ими городков, то они фактически тут же превращаются в их же двойников и подобия. Иными словами — ни в коем случае нельзя уподобляться тому, против кого ты воюешь, ведь дьявол-то как раз и любит менять всё и всех местами и запутывать. Не случайно же в финальной сцене рассказа появ-

ляются интонации, очень сильно напоминающие интонации булгаковского романа «Мастер и Маргарита» — в том месте, где Воланд допрашивает **кота** Бегемота и Коровьева о причинах пожара в Доме Грибоедова:

«Оба, и Коровьев, и Бегемот, развели руками, подняли глаза к небу, а Бегемот вскричал:

— Не постигаю! Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...

— И вдруг — трах, трах! — подхвати Коровьев, — выстрелы! Обезумев от страха, мы с Бегемотом кинулись бежать на бульвар, преследователи за нами, мы кинулись к Тимирязеву!

— Но чувство долга, — вступил Бегемот, — побороло наш постыдный страх, и мы вернулись!

— Ах, вы вернулись? — сказал Воланд. — Ну, конечно, тогда здание сгорело **дотла**.

— **Дотла!** — горестно подтвердил Коровьев. — То есть буквально, мессир, **дотла**, как вы изволили метко выразиться. Одни **головешки!** <...> Ничего невозможно было унести из зала, пламя ударило мне в лицо. Я побежал в кладовку, спас сёмгу. Я побежал в кухню, спас халат. Я считаю, мессир, я сделал всё, что мог...

— Ах, если так, то, конечно, придётся строить новое здание.

— Оно будет построено, мессир, — отозвался Коровьев...»

А вот, для сравнения, разговор главного героя рассказа Проскурина — капитана Никонова (как раз и устроившего взрыв и пожар лесного притона) — со своим шефом:

«— Что там у вас происходит? Ты, Никонов, не тяни **кота** за хвост!

— Не хотел тревожить вас среди ночи, шеф, пожар, — сказал Никонов. — Большой дом уже догорает, чудеса... Словно языком слизнуло. Озеро из белого, молочного окрасилось розовым...

— К чёрту! — откровенно теряя контроль над собой, сорвался Валериан Денисович. — Ты пьян, что ли? Ах, негодяй...

— Шеф, мое дело охрана, а что там внутри случилось, никто не знает, — сказал Никонов. — Но дом действительно догорает. Какой-то чудовищно мгновенный пожар...

— Ты думаешь, сгорит всё **дотла?** — опечалился Валериан Денисович и даже вздохнул.

— Абсолютно всё, такой огонь ничего не помилует, может, только какую **черепушку**...»

Я думаю, в литературе не бывает случайных совпадений, и даже если сам Проскурин никаких постмодернистских перемигиваний между двумя этими текстами и не устраивал, то существуют некие тайные законы искусства, по которым темы (или даже сцены), имеющие между собой, так сказать, *переключку внутреннего характера*, непременно окажутся близкими друг другу и по своей стилистике, и по использованным образам, и по задействованным в этой сцене деталям. Отсюда, помимо общего сходства двух этих эпизодов между собой, и там, и там имеет место образ **кота** (в фразе «не тяни кота за хвост» — у Проскурина, и в образе кота Бегемота — у Булгакова); упоминание **нечисти** (в выражении «к чёрту!» — в тексте у Проскурина, и в образах беса Коровьева и князя тьмы Воланда — у Булгакова); а также сгорающие в обоих случаях **дотла** здания, от которых не остаётся ничего, кроме «головешек» (у Булгакова) да «черепушек» (у Проскурина), а также ряд других сходных моментов. Думаю, что всё это не может не подтолкнуть нас к мысли о том, что за обеими этими сценами стоит одна и та же сила — помните? — «что хочет зла, но вечно совершает благо» (И.В. Гёте, «Фауст»). И в этом — таится ключ к пониманию заблуждений обоих авторов. Я говорю «заблуждений», потому что не может сила, которая жаждет творить зло, принести людям хотя бы какое-нибудь минимальное добро. А потому и путь, указанный Петром Проскуриным в рассказе «Мужчины белых ночей», не в состоянии принести с собой ничего, кроме новой крови и горя, тогда как Россию сегодня если что и спасёт, то только — *любовь и молитва*. В

том числе — и о наших писателях, как о тех, кто уже покинул эту землю и предстал перед нашим Создателем, так и о тех, кто ещё продолжает писать свои произведения во славу великой русской литературы и во спасение потерявших духовные ориентиры читателей...

ПО СТРАНИЦАМ СТИВЕНА КИНГА

...Второй день, отложив в сторону всё, что читал ранее, наслаждаюсь купленной вчера по пути в Союз писателей книгой Стивена Кинга «Как писать книги». Кинг — это общепризнанный король романов ужасов; рассказываемые им истории наполнены кровью, вампирами, оборотнями, занесенными из Космоса монстрами и всевозможной прочей злобой нечистью; это стопроцентно *нехристианская* проза, в которой почти напрочь отсутствуют даже следы Бога, но, тем не менее, он — первоклассный мастер своего жанра, и в области творческих переживаний во многом мне очень близок и по крайней мере — интересен. Я, практически не отрываясь, проглотил первую часть книги, повествующую о его становлении как писателя — о нищенской жизни в качестве работника прачечной и провинциального учителя, годах бесплодных писаний, приносящих только отрицательные ответы из редакций журналов и издательств. Это так похоже на всё то, что прошёл в своей жизни и я... Да и только ли я? В опубликованной во вчерашнем номере «Независимой газеты» биографии Виктора Пелевина приводится эпизод, рассказывающий, как, будучи уже печатаемым автором, он приходил к одному из своих друзей с просьбой помочь ему устроиться на работу в информационное агентство. «А что так, зачем?» — удивился тот. «Надо же на что-то жить», — объяснил Пелевин. Так что безденежье для начинающего писателя — состояние, к сожалению, традиционное. Жаль только, что время выхода из стадии «начинания» тянется иной раз слишком долго, и не всегда — по причине творческой несостоятельности автора...

Вторая же часть книги Стивена Кинга посвящена непосредственно профессиональным советам тем, кто решил посвятить свою жизнь писательству, и здесь, несмотря на уже достаточно немаленький собственный опыт, я с удовольствием прочитал целый ряд рекомендаций, которые наверняка мне когда-нибудь пригодятся. Встретил я здесь и немало подтверждений каким-то из своих личных наблюдений, а самое главное — Кинг помогает творчески раскрепоститься и доверять в первую очередь тому, что звучит в тебе самом. Я с настороженностью отношусь к его «ужасикам», но пишет он просто захватывающе, этого у него не отнять...

* * *

...Сегодня я опять думал о прочитанной накануне книге Стивена Кинга, и понял, что каждый писатель должен непременно написать книгу о себе и своём пути в литературу. Это так важно и интересно. Вот и на творчество Кинга я после его исповеди начал смотреть другими глазами. Ибо я теперь понимаю мотивы его обращения к теме ужасов, знаю основу его мировоззрения. Да, он, как я и говорил раньше, не христианский писатель, и выведенному в его произведениях злу не противопоставит ничего, кроме воли самого человека, но это-то, на мой взгляд, как раз и разоблачает пустоту окружающего его западного мира, не способного подсказать человеку, что все его беды происходят только из-за его отпадения от Бога.

И словно в подтверждение этих моих мыслей, в православном календаре «Год души» на страничке сегодняшнего воскресенья напечатаны размышления святого праведного Иоанна Кронштадтского «Молитва покаяния и веры», где он в частности говорит:

«Здесь, в мире суеты, в мире прелюбодейном и грешном, непрестанно и часто незаметно души и тела наши червь и тля тлит, и тати мысленные подковывают и крадут сокровища души (Мф. 6, 19). Какое

же верное средство от этого постоянного растреления греховного, от этих мысленных татей? Молитва покаяния и веры. Она оживляет, воскрешает истлевающую в обольстительных похотях душу нашу, прогоняет мысленных татей; она бич их, а для нас — источник силы, жизни и спасения. Слава о сем Господу! Молитва предохраняет и избавляет нас от греха. С молитвой веры хорошо живется, ибо при молитве живем с Господом...»

* * *

И вновь размышляя о прозе Стивена Кинга, книгу рассказов которого «Сезон дождя» я купил на казанском вокзале перед самой поездкой в Сызрань. Это очень талантливый писатель, и хотя он пишет про всякие ужасы, его проза лучше любой публицистики раскрывает бездуховную сущность Америки, я бы сказал, её трагедию. Потому что из рассказываемых им историй видно, что современный мир США включает в себя только такие факторы, как человек и дьявольщина, но в нём фактически напрочь отсутствует даже какое-либо упоминание о Боге. «Ты бы ещё сказала: „Покайся!“ — восклицает, заблудившись среди непронумерованных автострад, один из персонажей книги в ответ на предложение его подруги вернуться и выехать на правильную дорогу. И дальнейшее развитие сюжета показывает, что мир, в котором раздражителем является даже сама только мысль о покаянии, просто не может быть обречён ни на что другое, кроме как на погибель...»

* * *

Практически запоем прочитал сегодня взятый в библиотеке роман Стивена Кинга «Кэрри» — острейшую психологическую драму из жизни затравленной сверстниками и собственной матерью девушки, у которой вследствие нервного потрясения открываются сверхъестественные способности и, будучи не в силах вынести доставленных ей мук унижения, она убивает почти половину жителей своего родного городка.

Хотя основная часть объема книги и представляет собой описание совершенных Кэрри Уайт чудес, её фантастическая составляющая — это только фон и не более, а стержневую основу романа составляют всё-таки вопросы религиозного воспитания подростка в семье и отношения коллектива к члену-изгою. По сути дела, «Кэрри» — это аналог нашего фильма «Чучело», только на американской фактуре: тамошние школьники ездят в школу на машинах, сидят в барах, трахаются...

Прочитав роман, я пожалел, что не открыл этого писателя для себя раньше.

Во-первых, это просто очень здорово сделано как в смысле выстроенности сюжета (читается на одном дыхании!), так и в отношении самого художественного стиля («Из полуоткрытых губ раны медленно сочилась на ладонь густая кровь...»).

Во-вторых, роман поднимает важнейшую, на мой взгляд, проблему обиды человека на Бога: «...Кэрри молилась, но никто не отозвался. Там, наверху, никого не было, а если и был, то Он попросту спрятался. Господь отвернулся от нее, и что же тут удивительного? Весь этот ужас был и Его рук делом тоже...» Наверное, это большой грех, но даже мне, человеку, который последние десять лет ощущает всю полноту жизни и счастья, иной раз хочется крикнуть Богу: «Господи! Да будь же Ты хоть немного щедрее на Свою любовь к нам! Что ж Ты так скуп на радости!..» Вот и прочитанный роман Кинга буквально кричит об этом голосом несчастной Кэрри.

Ну и, в-третьих, это произведение, как и всякая настоящая литература, является своеобразным предупреждением о том, что ждёт человечество (и в частности, США) впереди, если в программу поведения людей и стран не будут внесены определённые гуманистические коррективы (а точнее говоря — если бытие мира не будет возвращено в координаты сострадания и совести). Заканчивая давать свидетельские показания Ко-

миссии штата Мэн по расследованию убийственных способностей Кэрри Уайт, миссис Кора Симард в свою очередь спрашивает: «Что будет, если она такая не одна? Что будет с нашим миром?..» — и ни у кого из членов Комиссии не находится смелости признать тот очевиднейший ответ, что для мира наступила пора *меняться*, ибо нельзя жить и дальше, признавая только правоту сильного перед слабым, обида слабого тоже может однажды привести к взрыву праведного гнева, что мы и видим сегодня в случае с самолётными таранами американских небоскребов. Так что я ещё раз убеждаюсь, что Стивен Кинг далеко не такой поверхностный писатель, как это казалось мне раньше. Да, наверное, и в каждом из пишущих кроется немножко пророка...

* * *

По дороге на дачу и обратно прочитал в электричке роман Стивена Кинга «Библиотечная полиция». Надо, не кривя душой, признать, что читал я его с большим интересом — интрига и вправду так прочно привязывает к себе внимание читающего, что оторваться от сюжетной линии просто невозможно. Но в итоге испытываешь чувство откровенного разочарования. Не потому, что это сделано *плохо*, и не потому даже, что — *жестко*, а потому, что проблема *мистического* характера решается исключительно на *материальном* уровне. То есть — с inferнальной *нечистью* и *дьявольщиной* героини борются практически теми же методами, что и с рядовыми бандитами — путём их *физического* устранения. А то, что против них существует такое мощное оружие как *молитва*, *пост* и церковное *покаяние*, им, похоже, даже и невдомёк. А поэтому и одержанная героями в конце романа победа кажется откровенно *неубедительной*: вампиры, бесы, ведьмы и прочие *дьявольские отродья* — это не та категория, которая исчезает с умерщвлением их *плоти*...

* * *

Дочитал роман Кинга «Безнадёга» — самый, наверное, лучший из его романов, так как в нём победа людей над силами тьмы осуществляется при открытой поддержке Бога. Больше мне у Кинга вещей с такой позицией не попадалось, борьба персонажей с *бесовскими сущностями* ведётся у него почти везде теми же самыми средствами, что и с *земными бандитами*, то есть — *материальными* средствами...

* * *

...И опять я в течение всего дня, каждую свободную минуту, читал столь увлекшего меня писателя Стивена Кинга — в частности, его повесть «Туман», в которой описывается, как в результате бури произошла авария на одном из секретных военных заводов, и в мир выползло таинственное белое облако тумана, населённого страшными монстрами, пожирающими всех, кто им попадается на пути.

Повесть эта страшно пессимистична, но она опять-таки очень точно раскрывает сущность американской жизни и нравственные ценности американцев. Видя то, как основательно они *вычеркнули из своего мира Бога*, начинаешь отчётливо понимать, почему у них так высоко сегодня поднят культ семьи — это ведь, по сути, *последняя* ценностная категория, которая ещё осталась у них из того, что отличает жизнь человека от чисто животного существования!.. Во всяком случае, я рад, когда среди описаний апокалиптических кошмаров Кинга вдруг встречаются по-человечески тёплые и понятные строчки, вроде мимолётных мыслей его героя о своем сыне: «...Я стоял и глядел ему вслед, глядел, как мелькают подошвы его кед. Я люблю его. Что-то есть в его лице и иногда в том, как он смотрит на меня, отчего мне начинает казаться, что в жизни всё в порядке. Конечно, это ложь: в нашем мире никогда не бывает всё в порядке, и никогда не было. Но мой сын даёт мне возможность поверить в эту ложь...»

Как ни крути, а Стивен Кинг — очень сильный писатель, хотя, как я уже отмечал выше, его талант и не *светоносный*.

СЛУШАЯ ВИЗБОРА

...Около полуночи включил телевизор и увидел, что по одной из программ шёл концерт, посвящённый памяти Юрия Визбора. Люди в зале — как будто откуда-то из другого мира, отрешённые, нездешние. Балдеют, подпевая «Милая моя, солнышко лесное...» Такое впечатление, что они прожили все эти годы, не заметив ничего, что произошло вокруг них — ни потери СССР, ни расстрела здания Верховного Совета, ни реставрации капитализма в России, ни разгула коронавируса. Да они не замечают даже того, что поют сами! Вот промелькнули строчки:

...Не пытай меня ни ласкою, ни жалостью —
Как ни странно, я о прошлом не грущу.
Если можешь, ты прости меня, пожалуйста —
вдруг и я тебя когда-нибудь прощу?..

Смотрю на плывущие, словно в нирване, лица и вижу, что никто даже не задумывается о том, что автор здесь ведёт себя под стать мелочному торгашу, требующему предоплату за то, чего он ещё не сделал, а только возможно когда-нибудь случайно сделает в будущем. «*Вдруг и я тебя когда-нибудь прощу?!*» — делает он предположение и, ещё не простив, уже пугается того, что это его гипотетическое действие может остаться неоплаченным.

Но это — всё-таки Юрий Визбор, самый романтический и чистый из наших отечественных бардов, творивший без всяких злобы и лицемерия...

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Во время моей жизни в Самаре (1994 — 1997) администрация города очень любила приглашать в город разных знаменитостей от литературы прозападного толка — сюда постоянно наезжали Василий Аксенов и Генрих Сапгир, бывал Владимир Войнович, навевывались Андрей Немзер, Михаил Айзенберг, Александр Кушнер, Олег Дарк, Евгений Рейн... В 1995 году приезжал Андрей Андреевич Вознесенский.

Что греха таить? В молодые годы Андрей Андреевич был для меня одним из главных кумиров, я даже получил как-то приз — бутылку шампанского, — прочитав на одном из новогодних праздников его стихотворение: «Мать Владимирская, единственная, / первой молитвой, молитвой последнею / я умоляю: стань нашей посредницей! / Неумолимы зрачки ее льдистые... // <...> // ...Видишь — лежу, почернел, как кикимора, / все безысходно, осталось одно лишь: / грохнись ей в ноги, Мать Владимирская, / может, умолишь, может, умолишь».

Уму непостижимо, как я мог тогда не увидеть, что он не просто просит Божию Мать исполнить для него роль сводни, но и буквально предлагает Ей поползать в ногах у какой-то шлюшки, чтобы уладить его амурные дела!

Впрочем, в те годы я многого ещё не понимал и так же, как за Вознесенским, повторял вслед за другим моим кумиром — Владимиром Высоцким — его хрипловатое «Смейся, смейся, Сатана», не видя, что песня представляет собой не просто образец пошлости и цинизма, но является и прямым хулением Святого Духа и Пресвятой нашей небесной Заступницы Марии.

Не буду отрицать: некоторые из стихов Вознесенского я не могу разлюбить ещё и теперь, ну, например, такие как «Ты меня на рассвете разбудишь, / проводить неубутая выйдешь, / ты меня никогда не за-

будешь, / ты меня никогда не увидишь» или «А завтра утром, на поезд следуя, / вы в речку выбросите ключи, / и роцца правая, и роцца левая / вам вашим голосом прокричит: / не возвращайтесь к бывлым возлюбленным — / бывлым возлюбленных на свете нет, / не возвращайтесь к годам разубленным, / где только эхо звучит в ответ...»

К сожалению, чем дальше шло время, тем Андрей Андреевич Вознесенский становился всё более буржуазным поэтом. В свой прошлогодний приезд в наш город он написал двестише «Как салат из омара, розовеет Самара», даже не вдумавшись, наверное, в то, что созданный им образ может быть понятен только тем, кто, по крайней мере, хотя бы раз в жизни видел этих омаров, а ведь большая часть самарских (да и вообще российских) читателей сегодня не в состоянии позволить себе купить вдоволь даже отечественных сосисок, а не то, что заморских деликатесов.

Но нашим демократическим поэтам важнее всего свобода. Свобода — от всего, в том числе и от совести, включающей в себя стыд за унижение собственной Родины. Какие уж тут омары, когда людям по несколько месяцев подряд не выплачивают зарплату! Ноги бы не протянуть...

ВЛАДИМИР КРУПИН

Сегодня, в ожидании начала литературного вечера, зашёл в редакцию «Роман-журнал, XXI век», взял у Марины Ганичевой свежий номер и углубился в чтение. Увидев в оглавлении фамилию любимого мною Владимира Крупина, я первым делом раскрыл его маленькую повесть «Ловцы человек» и прочитал это чудное повествование о северной рыбалке в обществе Станислава Куняева, а также беседы о литературе, лирических монологах и тому подобных вещах, которые так здорово умеет изображать в своих произведениях Крупин.

Давно не получал такого наслаждения от чтения — всё-таки Владимир Николаевич талант, в буквальном смысле — *мастер* слова, который владеет им, как никто другой. Литература у него вырастает вроде бы абсолютно из ничего, из самого, казалось бы, факта плетения речи, но при этом нет ни малейшего ощущения обманутости читателя, которое обычно возникает, когда поглощаешь чью-либо словесную пустоту, так как за каждой сказанной Крупиным фразой стоит труд выношенной им истины.

Задача современного писателя, говорит Владимир Николаевич, *воцерковлять* людей...

* * *

19 декабря я присутствовал в зале церковных соборов Храма Христа Спасителя на учредительном собрании общественного фонда «Центр Национальной Славы России». Из деятелей культуры там были в основном актёры — Василий Лановой, Николай Бурляев, Валерий Гостюхин, Юрий Назаров, Сергей Шакуров, Георгий Жжёнов, Владимир Конкин, а также сценарист Вячеслав Клыков и несколько писателей — Владимир Крупин, Александр Казинцев, Николай Сергованцев, Вадим Арефьев и я.

Было произнесено несколько красивых речей о необходимости спасения России и её духовности, утверждён Устав и избран совет попечителей, а затем Татьяна Петрова спела несколько замечательных русских песен.

Лучше всех выступал там Владимир Крупин, который сказал о том, что вот вроде бы плохо всё вокруг, страна разрушается, посмотришь иной раз по сторонам, и просто жить не хочется, но вдруг подумаешь среди всего этого: «*Слава Богу, я ведь русский, и нет у меня никакого второго гражданства!*» — и на душе сразу же становится легко и светло. Потому что если другие народы живут *во времени*, то русский народ живёт — *в вечности*.

Несмотря на столь глубокое высказывание, подойдя к нам перед началом заседания, Владимир Николаевич затеял рассказ о том, как в Белгороде, откуда он только что возвратился, к нему подошёл один пожилой институтский преподаватель и попросил совета. Мол, в него влюбилась молодая студентка, и он теперь не знает, как ему быть. «И я ему посоветовал откликнуться на эту любовь», — со вздохом признался Владимир Николаевич. «Так это что же мне — придётся свою старуху бросать?» — с испугом спросил собеседник. «Зачем бросать? — удивился Крупин. — Ты встречайся с девочкой так, чтобы жена ничего не знала...»

(Как я успел заметить, Владимир Николаевич вообще довольно часто ведёт себя по принципу древнерусских *юродивых* — провоцируя в своих собеседниках проявление скрываемых ими даже от самих себя грехов и гордыни.)

О ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ ПОЛЯКОВА

Ездил однажды к хирургу по поводу боли в левой стопе, и по дороге в больницу и обратно читал в метро книгу Аллы Большаковой «Феноменология литературного письма. О прозе Юрия Полякова». Вопреки моим опасениям, что книга окажется страшно заушной, она написана более-менее понятным языком и помогает всплыть целому ряду из моих собственных размышлений о Юриных романах и повестях. Хотя, наверное, я бы всё-таки посоветовал Алле избегать злоупотребления такими выражениями как: «темпоральная деформация в соединении начал и концов разорванной истории», «свёрнутая доминанта объективированного времени автора-повествователя», «парадигма несбыточности, скрытая в семантическом разрыве слов» или «невозможность осуществления скрипторских интенций». О произведениях Полякова надо писать так же интересно и доходчиво, как пишет он сам. Его роман «Козлёнок в молоке» переиздан уже 20 с лишним раз! Можно ли столько же раз переиздать текст о «невозможности осуществления скрипторских интенций»? Я сомневаюсь...

Кстати, на днях я съездил в кардиологическое отделение Института хирургии, где лежит в ожидании уже второй операции мой друг из города Старица Виктор Хотулёв. Он сам хирург и всю жизнь спасал жизнь другим людям, а вот теперь довелось лечь на операционный стол и самому. Сердце. Из-за стрессов у него так забились аорты, что сквозь них уже почти не проходит кровь. А стрессы — это результат его работы в местной газете, которую он ведёт параллельно своей хирургической практике. Он там пишет обо всём и обо всех одну только *правду*, и нажил из-за этого множество врагов, которые украли у него в отместку машину, пишут на него начальству анонимки и делают кучу других гадостей, которые и привели его на больничную койку...

Вот вам удивительный пример воздействия литературы на людские судьбы! Можно утверждать, что Виктор в буквальном смысле слова обязан своей жизнью книге Юрия Полякова «Козлёнок в молоке». Дело в том, что незадолго до начала первой операции на сердце он увидел меня и Марину в одном из телевизионных репортажей с празднования Юриного 50-летия, где прозвучало упоминание об этом романе, и ему стало страшно досадно, что вот-де, мол, случись вдруг ему завтра умереть на операционном столе, а он так и не прочитает этого знаменитого произведения. И весь период подготовки к операции и во время неё он не переставал повторять про себя, как заклинание, своё желание: «Только бы мне выжить и прочитать “Козлёнка в молоке”, только бы мне прочитать “Козлёнка...”» Во время операции с ним случилась клиническая смерть, но мечта прочитать Юриного «Козлёнка» оказалась сильнее болезни, и ему удалось выкарабкаться.

Узнав обо всём этом, я срочно купил в магазине этот замечательный

роман, поехал в «Литературную газету» и попросил, чтобы Юра написал на книжке Хотулёву свой автограф, а потом съездил в больницу и передал Виктору книгу, подписанную Поляковым. Дай Бог, чтобы она помогла ему и при второй операции...

* * *

Совсем по-другому, чем моими друзьями по Союзу писателей, воспринимается мною творчество Полякова, который, хотя и пишет сегодня едва ли не лучше всех своих литературных сверстников, но умудряется при этом вызывать своими произведениями невероятно разноречивые мнения и споры. Так было, когда он опубликовал «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба». Так случилось и с романом — «Замыслил я побег». В упрёк писателю поставили и умение приспособляться к требованиям рынка (хотя всем бы нам такое умение!), и потакание вкусам массового читателя, и заужение собственного кругозора до размеров двуспальной кровати... А между тем, этим своим романом он сделал практически то же самое, что и Михаил Юрьевич Лермонтов повестью «Герой нашего времени» — т.е. показал очередную трагедию *лишнего* человека с поправкой на уже *наше* с вами время. Разница между героем поляковского романа Олегом Трудовичем Башмаковым и лермонтовским Печориним заключается только в том, что, чувствуя свою не востребованность в эпохе, герой повести Лермонтова ещё пытается провоцировать её на какие-то ответные действия своими откровенно дерзкими поступками, как бы *дразнит* её от отчаяния, а герой романа Полякова уже не способен даже на это, а потому он от своего времени — *убегает*.

Что же касается вышедшей на передний план постельной темы, то до размеров постели, на мой взгляд, сузился не столько кругозор писателя, сколько сам современный мир, из которого ушли почти все *другие* человеческие ценности.

Несмотря на свою кажущуюся статичность (главный герой весь роман собирает вещи, чтобы уйти от жены к любовнице, да вспоминает при этом свою жизнь), книга Юрия Полякова читается с неослабным интересом, в ней бездна сатирических эпизодов, а главное, столько узнаваемых деталей, что кажется, она вычитана автором из жизни каждого из нас.

Спору нет, почитаемый многими Александр Солженицын — действительно крупнейший писатель современности, но если от литературы второй половины двадцатого века уцелеет единственно только один роман Полякова «Замыслил я побег», значит, мы уже не исчезнем в неизвестности...

* * *

На днях у меня вышла книга литературоведческих и критических статей «Нерасшифрованные послания», которая продавалась в Центральном Доме литераторов, где её тут же купил Юрий Поляков. «Одному из лучших прозаиков России конца XX — начала XXI вв. и герою некоторых глав этой книги», — сразу же надписал я ему на память. Потому что сегодня он действительно является одним из наших лучших авторов. Помню, мне многие говорили о его романе «Замыслил я побег»: «Да разве это литература? Это же вереница анекдотов, а не роман!» А я им говорю: «Ну и что? Попробуйте и вы собрать анекдоты так, чтобы из этого встала воочию картина всей нынешней эпохи, да чтобы было видно, из-за чего и как мы профукали и Россию, и социализм, и свои собственные судьбы...»

Господь говорил: «Дерево узнаете по плодам его». Я думаю, то же самое можно увидеть и в литературе — тут ведь важно, не «из *какого сора*» делалось произведение, а *что* из этого получилось. То есть — каков результат.

В газете «РОССИЯ», которую мне сегодня занёс Володя Степанов, опубликовано большое интервью с Юрием Поляковым, в котором он высказывает целый ряд очень точных и принципиально важных положений. «Русская классическая литература и советская литература — это единый процесс, — замечает он. И далее говорит очень правильные слова, например, такие: «У писателя обязательно должна быть совесть»; «Наша главная задача — осмыслить эпоху»; «Как современник крупнейших геополитических и социальных сдвигов, как свидетель крушения огромной империи, небывалой цивилизации — социалистические модели не держались так долго никогда — писатель должен попытаться художественно осмыслить, постичь, сохранить потомкам честный рассказ о происшедшем»; «На века остаётся только литература»; «Литература всегда должна находиться в оппозиции к власти... Но в оппозиции к государственности литература не может быть никогда».

Я вижу, как процитированные выше постулаты ощутимо прорезаются в произведениях Юрия Полякова, но даже, если их сюжеты мне не очень нравятся, то живущие между ними умные мысли всё-равно будут воздействовать на умы тех, кто эти книги будет читать.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В КРЫМУ

4 июня 2003 года мне неожиданно для самого себя мне пришлось выехать с делегацией нашего Союза писателей в Гурзуф для участия в Международном Пушкинском празднике поэзии в Крыму. В поезде нас ехало сначала 13 человек — В.Н. Ганичев, Ю.А. Лопусов, В.А. Костров, В.М. Гуминский, П.В. Палиевский, Л.В. Щипахина, О.А. Фокина, Саша Сегень, Валерий Исаев, Сергей Котьяло, Николай Рачков, Константин Скворцов и я, да потом ещё в Белгороде к нам присоединился поэт Володя Молчанов. Было очень много интересных разговоров, но я, к сожалению, ничего не записывал. Запомнил только довольно озорной рассказ Юрия Лопусова о том, как несколько лет назад ему где-то на севере устраивали половой акт на высоте 6000 метров (специально подняв для этой цели самолёт и посадив в него какую-то свою уступчивую буфетчицу).

Прибыв в Гурзуф, мы встретили там председателя Союза писателей Республики Беларусь Алесья Пашкевича и представителей Спілки письменників України Ивана Драча и Дмитра Павлычко. Среди участников праздника были также главный редактор киевского русскоязычного журнала «Радуга» Юрий Ковальский (в этом его журнале я что-то печатал ещё в период моей жизни на Украине), а ещё киевский поэт Станислав Бондаренко, напомнивший мне, что наши с ним стихи были когда-то опубликованы в одном номере альманаха «Вітрила».

В течение этих нескольких дней состоялись встречи с читателями нескольких крымских городов, возложения цветов к памятникам Пушкину в Гурзуфе и Данилевскому в Форосе, посещение дачи Чехова, встреча с литераторами Севастополя, экскурсия в древний Херсонес, где я ударил в старинный колокол с надписью «Николай Чудотворец» и нашёл на линии прибой обломок старинной амфоры (их там до сих пор, в течение вот уже двух с половиной тысяч лет, выносит волнами на берег), и многое другое. И как я ни стараюсь обойтись без лишнего груза в руках, а пришлось-таки нагрузить дипломат (у которого из-за этого отлетел один из замков), поместить в него целую кучу различных литературных изданий. Ну и, конечно же, не обошлось без нескольких подаренных мне книг украинских писателей.

Не пойму, то ли я за последние годы успел постареть душой, то ли выпал из хода времени и остался в каком-то романтическом прошлом, но мне становится всё скучнее и скучнее с моими товарищами по литературе — они беспробудно и бесшабашно пьют, выбрасывая на ве-

тер кучи денег, волочатся за каждой увиденной юбкой, да потом ещё и пересказывают на другой день всем встречным-поперечным свои ночные похождения, явно рассчитывая вызвать этими рассказами одобрительные реакции слушателей. И многие действительно восторгаются услышанным, подхихкивая и прицокивая в наиболее пикантных моментах языками, тогда как я буквально помираю от скуки, переживая эти бесконечные, однообразные и надоевшие мне ещё со времён моей студенческой молодости эпопеи, отличающиеся одна от другой только местом их прохождения, количеством и названиями фигурирующих в них спиртных напитков да именами неизвестно откуда залетающих на эти вакхические пиршества случайных подружек... Но если, скажем, в 17 или же 19 лет всё это было вполне естественно и потому действительно воспринималось *и легко и весело*, то смотреть на «исходящих половой истомою» сорока-, а то и шестидесятилетних писателей, этих упившихся «инженеров человеческих душ» и «совесть нации», мне стало уже довольно тяжело и печально. Чем же мы в таком случае отличаемся от каких-нибудь там «на-найцев», Шнура или Гарика Сукачёва?..

Вот кое-что из того, что сильнее всего запало мне в память за эти несколько крымских дней:

— *ГУРЗУФ*: Дава дорогу, как гюрзу, / что норовила дерзко выгнуть-ся, / автобус нас домчал в Гурзуф / и среди пальм узорных выгрузил. // Плескалось море под горой, / секвойи шелестели иглами, / и жизнь казалась нам — игрой, / которую так просто выиграть...

— *МАКИ*: Начиная от Джанкоя, поля Крыма обрызганы пылающе-алыми зарослями маков, как будто на них навеки запекалась кровь расстрелянных здесь в 20-е годы врангелевских солдат. Просто глазам не верится, что может быть так много этих цветов — поля походили на огромнейшие *лужи крови*.

— *КИПАРИСЫ, ПАЛЬМЫ, ГОРЫ И ВООБЩЕ ПЕЙЗАЖИ КРЫМА*: Глядя с балкона пансионата «Геолог», где нас разместили, на растущие под ним экзотические пальмы, я подумал о том, что такую красоту можно было сотворить только *сознательно*, то есть — сперва всё замыслив, спроектировав, отобрав мысленно лучшие варианты, и только потом уже осуществив утверждённый в своём воображении замысел на практике. Не случайно ведь в природе ничто не повторяет друг друга: у кипариса листва — мягко-игольчатая, у пальмы — веерно-нарезная, у акации — симметрично-калиброванная, и так далее. Так что Господь был явно *художником* — Он не просто создавал мир по принципу наивысшей целесообразности, но откровенно *наслаждался* самим актом творения и видом того, что у Него из Его замысла получается на практике: «Вечер. Пальмы. Кипарисы. / Рокот моря за окном. / Солнце сладкой барбариской / поползло за окоём. // Так и кажется, что где-то / Сам Господь, безмерно прост, / смотрит с неба на планету, / как художник на свой холст...»

— *ПЕНИЕ ПТИЦ*: Это просто чудо, что творили в Крыму пернатые солисты и хористы! Каждое утро я просыпался часов в пять утра от потрещающих рулад за открытым окном моего номера и целый день потом слышал вокруг себя чарующее пение, так что даже сочинил об этом несколько строчек: «Слава Богу, не вымерли птицы в Крыму — / так щебечут, что сладко душе и уму! / Слава Богу, полощется море у скал, / и смягчает собою эпохи оскал...» Думаю, что Господь, может быть, специально для того и сотворил человека, чтобы было кому оценить это пение, ибо создавать такое чудо *ни для кого* (а сами птицы вряд ли в состоянии оценить красоту издаваемых ими звуков, так как для них это только язык общения и не более того) было бы бессмысленно.

— *ГРОЗА*: В одну из ночей я проснулся от освещавших всю нашу комнату ярких всполохов. Гроза проходила где-то уже далеко в стороне, раскатов грома слышно не было, но вспышки молний были настолько сильны, что казалось, это Господь ведёт на небе какие-то сварочные работы, укрепляя несущие конструкции расшатавшейся Вселенной...

— *НЕНАВИСТЬ, КОТОРУЮ ИЗЛУЧАЛ К НАМ ПОЭТ ДМЫТРО ПАВЛЫЧКО*: Она прямо брызгала из его глаз, когда он смотрел в нашу сторону, так что этого невозможно было не замечать. Да и в каждом из его выступлений звучала нескрываемая неприязнь к России и к русским...

Но Крым был в это время настолько прекрасен, что затмевал собой практически всё, включая даже откровенную нелюбовь к нам Дмитра Павлычко.

СЛАВА ДЁГТЕВ

В газете Владимира Бондаренко «День литературы» опубликован большой рассказ воронежского писателя Вячеслава Дёгтева — это очень талантливый автор, но вместо того, чтобы осмысливать нынешнюю действительность, он гонится только за оригинальными сюжетами, а потому как-то всё время рубит с плеча, не замечая того, как его проза, словно топор мясника, четвергует ещё живую реальность. Вот и в напечатанном в «Дне литературы» рассказе «До седла!» он идёт по этому же пути — популяризирует в художественной форме псевдонаучные идеи академика Фоменко о том, что вся наша история выдумана древнерусскими летописцами да позднейшими историками. «На самом же деле, — утверждает Фоменко (а Дёгтев эту ересь для усиления своего рассказа обильно цитирует), — Невской битвы *по всей видимости*, не было, а уж тем более — Ледового побоища... Александр Невский, *по всей видимости*, — чистой воды миф. Прототип Невского — Царь Золотой Орды непобедимый предок наш батя-Батый, при одном упоминании имени которого трепетала вся Европа. А монголо-татары — это мы с вами, русские и казаки...»

Вот такая, как видим, утверждается «научно-академическая» гипотеза, главным доказательством в которой выступает постоянно употребляемое выражение — «*по всей видимости*». Так не потому ли, что он прекрасно осознаёт шаткость и самой этой гипотезы, и опирающегося на неё рассказа, Вячеслав Дёгтев прилепил в конце своего повествования угрозу-запугивание для тех, кто посмеет высказать о нём своё критическое мнение? «А которые станут хулить написанное или подвергать сомнению — тех да постигнет суровая кара Михаила-Архистратига и Георгия-Победоносца, предстоятелей казацкого воинства, и да поразится всяк хулящий огненным копием во имя сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа, да святится во веки Имя Его, аминь», — подстраховал он себя запугиваемой будущих критиков угрозой.

Не думаю, что Господь и Его архистратиги могут выступать в качестве защитников фальсификаторов истории, карая при этом тех, кто вступится своим словом за правду. Тем более, что, если принять за основу хронологический метод периодизации истории академика Фоменко, то окажется, что и Сам наш Спаситель, и все Его Святые — это тоже, «*по всей видимости*», только «чистой воды мифы», тогда как на самом деле их прототипами, мол, были какой-нибудь Папа Римский или кто-нибудь совсем другой. Так что это ещё вопрос, кого поразит огненное копие...

* * *

...Только я собрался уходить из Правления Союза, как приехал из Нижнего Новгорода Евгений Шишкин — главный редактор журнала «Нижний Новгород», который издал часть дневников Сергея Есина. Задержался я с ним чуть ли не на час, говорили о литературе, о делах в Нижнем, а потом поехали в ЦДА — мне там нужно было забрать оставленные для меня книги, а Евгений захотел купить журнал «Проза с автографом», где был напечатан прочитанный мною недавно дневник Есина за июнь-сентябрь 2000 года, в котором, как я успел рассказать ему, упоминался и он. Дорóгой опять говорили о литературе, в частности — о Вячеславе Дёгтеве и Юрии Полякове. Я сказал, что Дёгтев может менять стили и темы, как компьютер шрифты: может изобразить текст «иж-

цей», может «ню роман каром» — владеет всем с одинаковым профессионализмом и одинаковой холодностью чувств. При этом всегда очень непросто понять, оправдывает он своих персонажей или обвиняет, любит или ненавидит, и вообще — что хочет сказать моделируемой ситуацией и на чьей стороне находится он сам.

* * *

Сегодня весь Секретариат нашего Союза писателей отправился первым рейсом скоростной электрички от Москвы до Ясной Поляны (остановка «Козлова Засека»), где я через два с половиной часа встретил приехавших туда день назад на ежегодные толстовские чтения Валентина Курбатова, Бориса Евсеева, Михаила Петрова и Владимира Личугина. Там же был и воронежский прозаик Слава Дёгтев, который успел надрать в пристанционном садике небольших кисловатых яблок и угощал ими всех встречаемых, уверяя, что в них содержатся атомы самого Льва Толстого. «Он же тут столько раз бывал, ожидал поезда, что же он — ни под одну яблоню ни разу не поссал? Так что его атомы наверняка присутствуют в этих яблоках», — с деловым видом объяснял он свою гипотезу...

* * *

Сегодня мне позвонил Геннадий Викторович Иванов и сообщил, что 16 апреля 2005 года в Воронеже умер известный прозаик Вячеслав Дёгтев. Я знал Славу, мы не раз с ним встречались, он был на пять лет младше меня (1959 г. р.), но выглядел намного крупнее и мощнее, прямо как настоящий медведь-богатырь. Да и энергия из него была ключом — он невероятно много писал, много печатался, пробивая свои рассказы во все существующие издания, получил несколько престижных премий, часто появлялся в Москве, стараясь не пропустить ни одной возможности появиться на сцене. Он любил пиарить себя и выступал то с дерзкими манифестами, то со скандальными интервью, поэтому я даже не сразу поверил, что информация о его смерти — это правда, а не какой-то очередной розыгрыш и не пиаровская акция. При всей кощунственности такого предположения, Дёгтев был способен и на такой ход... Хотя Вячеслав Огрызко, которому я позвонил, чтобы развеять свои сомнения, сказал, что это всё-таки, скорее всего, правда...

Вечером я написал на смерть Вячеслава Дёгтева некролог. Слава был непростым и очень «занозистым» человеком, переругался со всеми воронежскими писателями (за что был снят с учёта в Воронежской писательской организации), выступал с провокационными манифестами и заявлениями, обижающими его сегодняшних коллег по перу, писал скандальные рассказы. У нас с ним были нормальные товарищеские отношения, хотя я и выступал несколько раз с критическими рецензиями на его произведения. Да и как мне было этого не делать, если в одном из своих рассказов он изобразил игуменью православного женского монастыря, которая чуть ли не в алтаре трахалась со своим любовником (*прости, Господи!*), а когда он к ней охладел и бросил её, пошла и повесилась (!) на его воротах. Другой рассказ был посвящён эпизодам давно минувших лет и нещадно извращал нашу русскую историю, иллюстрируя её в соответствии с «гипотезой академика Фоменко», — т. е. называл хана Батю казакским атаманом Батяней и подменял смысл исторических событий вольной фантазией.

Имя Дёгтева просто слышать не могли в воронежском журнале «Подъём», хотя, в то же время, его охотно печатали многие другие российские издания. Так что написание некролога на его смерть оказалось делом нелёгким, и в результате у меня получилось следующее:

СЛОВО О СЛАВЕ

«Скорбная весть пришла из города Воронежа, где на 46-м году жизни неожиданно для всех скончался известный русский прозаик Вячеслав

Дёгтев. Крупный писательский талант сочетался в нём с независимым дерзким характером, и это не всегда нравилось тем, кто работал с ним рядом. Его литературные манифесты многих раздражали, его рассказы вызывали споры, его поведение и высказывания казались иногда демонстративно незгичными и даже оскорбительными.

И, тем не менее, это был большой русский художник слова, самобытный и яркий рассказчик, сумевший запечатлеть в своих книгах многие нелицеприятные и горькие черты современной российской истории. Впрочем, он писал также и о хорошем — к примеру, о любви. Он писал обо всём, что составляет нашу жизнь и историю. О героях и о бандитах, о самоотверженных возлюбленных и о шлюхах, о Чечне и о Сербии, о дне сегодняшнем и о временах Батя, о монахинях и о солдатах, о своих сегодняшних собратьях по литературе и о юном Шолохове — трудно даже сказать, к чему он не прикоснулся в своём творчестве. Не всегда написанные им тексты выражали почтение к изображённым в них персонажам, не всегда психологический или художественный анализ можно было назвать глубоким, но зато созданные им произведения никогда нельзя было спутать с рассказами другого автора. Проза Дёгтева была узнаваема и неповторима, начертанные им картины и сюжеты надолго оставались в памяти и заставляли читателя самостоятельно доосмысливать выхваченные автором из жизни ситуации. Это значит, что, отрываясь от своего создателя, его рассказы жили уже своей самостоятельной жизнью, продолжая вести тот непростой разговор с миром, который Вячеслав только намечал в своих книгах несколькими яркими штрихами. У настоящего писателя этот разговор с читателем не заканчивается никогда...

Осознавая невозвратность состоявшейся утраты, секретариат правления Союза писателей России выражает искреннее соболезнование всем родным и близким покойного и скорбит о преждевременно оборвавшемся творческом и жизненном пути талантливого писателя».

Не знаю, может быть, в некрологе и не стоило бы акцентировать внимание на негативных моментах творчества умершего и его «неудобного» для многих характера, но без этого всё сказанное мною было бы фальшью. Читатель эту фальшь сегодня мгновенно улавливает — он ведь читал Дёгтева (тот печатался больше Распутина!), знаком с его манифестом, в котором Слава перечеркнул всю русскую классическую и современную литературу, оставив в ней только себя, читал его злые, а порою так и просто кощунственные рассказы и нелицеприятные для многих писателей интервью, так что, если мы сейчас распустим слюни и начнём причитать, какой от нас ушёл хороший и милый писатель, то этому просто никто не поверит. Читатель и без того почувствовал воцарившуюся в нашей литературной среде фальшивинку, а потому и откачнулся от литературы, в которой прежде видел свою духовную водительницу и учительницу. Так что, наверное, лучше здесь всё-таки быть стопроцентно искренними и называть вещи своими именами. Самому Славе Дёгтеву от этого уже ни холодно, ни жарко, а репутация Союза писателей, вследствие расплывчатости наших позиций, может пошатнуться. Мы ведь называем себя «совестью нации», провозглашаем приверженность *правде*. Вот мы и должны быть сегодня принципиальными тройне — как в своих юбилейных речах, так и прощальном слове...

О СЕРГЕЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ЕСИНЕ

На днях заезжал в Литературный институт к Сергею Николаевичу Есину, подарив ему свою новую книгу критики «Нерасшифрованные послания», только что вышедшую в издательстве «Крафт+». Приняв её, Есин сказал, что последнее время в моей рубрике «Жизнь журналов», которую я веду в газете «День литературы», стало появляться всё больше конъюнктуры, а это может погубить меня как критика. «Чтоб быть

знаменитым, надо всех ругать», — сказал Сергей Николаевич и привёл мне в пример Илью Кириллова, который в том же «Дне литературы» обозревает демократические журналы (тогда как я обозреваю — патристический).

Что ж, может быть, в этом и есть доля истины, ведь все так хотят услышать о себе доброе слово. А кроме того, Кириллов громит *чужих*, а я пишу о *своих*, что несравнимо труднее. Да и вообще, критика ведь — категория весьма субъективная. Не сам ли Есин в своих дневниках то и дело превозносит до небес таланты то одного, то другого из учащихся своего творческого семинара, а спроси его — куда потом деваются все эти ребята? Где написанные ими новые «Мёртвые души», «Анна Снегина» или «Бесы»? Увы, и только...

Выйдя после разговора с Есиным на улицу, я зашёл в расположенную прямо тут же, во дворе Литературного института, книжную лавку и купил в ней том его «Избранного». Как он там только что сказал? «Чтоб быть знаменитым, надо всех ругать?» Ну, что ж, помолясь, и приступим...

* * *

...Раскрыл как-то переданный мне с кем-то один из номеров литературного журнала «Московский Вестник». Больше всего любя мемуарную и эссеистскую прозу, я по привычке принялся читать его с «Дневника» Сергея Есина. Хотя, должен признать, что литературной атмосферы в нём становится всё меньше и меньше, а всевозможного побочного «мусора» всё больше и больше. Вот, например, кусочек текста о том, что этой «литературе» в жизни Сергея Николаевича сопутствует: «Кормили в самолёте: гуляш с макаронами, салат овощной с майонезом, солёная сёмга и рыбный паштет, булочка белая и кусок чёрного хлеба, масло и плавленный сырок, два свежих пряника, кофе или чай... Сразу после взлёта давали вино, пиво, соки и минеральную воду...» А вот — ещё одно упоминание о литературе: «Вечером читал газеты Саши Проханова “Завтра” и “День литературы”. Очень самодовольный Володя Бондаренко ведёт диалог с Юрой Поляковым. Оба чрезвычайно любят себя и занимаются скрытой рекламой своих сочинений...»

(К слову сказать, газета «День литературы» уже давно была не «Саши Проханова», а «Володи Бондаренко», ну да Бог с ним... — Н. П.)

А вот опять — о быте: «В 4 часа, как и договорились, пили кофе у Людвиг Легге... Хозяйский яблочный пирог был превосходный. На столе стоял и чудесный покупной торт со взбитыми сливками. Особенно мне никто не предлагал, но я умудрился съесть два куса этой немецкой “шарлотки”. В отличие от нашего варианта здесь тесто внизу. Под яблоками...»

Вот Сергей Николаевич заносит в дневник впечатления от пребывания на церемонии вручения Букеровской премии: «Через Букера, который нынче называется SMIRNOFF БУКЕР, я постепенно знакомлюсь с лучшими ресторанами города. Нынче это MOSKOV MARIOTT GRAND HOTEL. Нынче кормили: “Коктейль из тигровых креветок подаётся с рагу из авокадо и манго и свежей зелены”; “Равиоли, начинённые шпинатом и копчёным лососем, подаются с сырным крем-соусом, приготовленным с добавлением водки «SMIRNOFF» и красной икрой”; “Обжаренная телятина на косточке подаётся с рататутем, луком шалот и итальянской полентой”; “Шоколадное безе под апельсиновым соусом, приготовленным с добавлением водки «SMIRNOFF»; “Кофе или чай. Домашняя мини-выпечка”».

И — (как приговор, что ли, этой теряющей вес премии?) — некое ассортиментски-гастрономическое резюме: «Икры в чистом виде, как в прошлый раз в “Метрополе”, не было...»

И при этом по всему тексту «Дневника», как зелёный горошек по поверхности салата оливье (увы, до более изысканных кулинарных сравнений мой жизненный опыт не поднимается) рассыпаны самооценки типа: «Я хорошо выступил в самом начале», а также полные тексты по-

здравлений в свой адрес с днём рождения и тому подобные вещи. Надо полагать, что исследователи литературы начала третьего тысячелетия будут от подобной информации в восторге.

Впрочем, что ж? Как гласили висевшие во всех советских магазинах и столовых объявления: «Клиент всегда прав» и «Требуйте долива пива после отстоя». Иначе какая это и в самом деле литература, если не было «икры в чистом виде»?..

* * *

Оглядываясь на свои собственные книги, Сергей Николаевич Есин сам признаёт, что до романиста у него не хватает пороха, и с этакой хитрецей вопрошает: «Но, с другой стороны, может быть, протоколы и есть первооснова любого романа?»

Может, кто с этим спорит...

Хотя, надо признать, встречаются в прозе Есина фразы, которые говорят, что он мог бы стать и поэтом. Ну, хотя бы такие, какими он описывает церковь Рождества в Иерусалиме: «Строгий, похожий на космический шум, треск свечей, грозная тишина присутствия Бога...»

Или вот такие две цитаты (обе, кстати, связанные с именем Создателя). Первая: «А разве каждая душа — это не семя Бога, жаждущее нового воплощения?..» И вторая: «Для меня всегда было загадкой, что есть Бог, ибо Он мог родиться только из любви. Значит, сначала была любовь?..»

Кстати, здесь же, в «Гувернёре», проскальзывает и тень будущего романа Есина о вожде революции: «В одном дедушка Ленин был совершенно прав: художник, писатель, журналист в любом обществе ангажирован... Кто ему платит — того он любит. Все кричат сейчас о plombированном вагоне, о некоем подкупе В.И. Ленина и всей социал-демократии немецким генеральным штабом. Я это допускаю. И это вполне естественно...»

Снял с полки другую его, ещё не прочитанную мной книгу и посмотрел оглавление. Уже сами названия подтверждают сделанное только что наблюдение о его таланте не романиста, а мемуариста: «Мемуары сорокалетнего» (повесть), «В родном эфире» (**Из записок** бывшего преуспевающего чиновника), «**Отступление от романа**, или Сезон засолки огурцов» (педагогические этюды и размышления.)

* * *

По дороге домой читал в вагоне метро опубликованный в журнале «Проза с автографом» дневник Сергея Есина за июнь — сентябрь 2000 года и, наряду с чисто эстетическим удовольствием от чтения, находил в нём подтверждения своим предудущим наблюдениям. Дневник — это именно тот жанр, где Есин раскрывает своё творческое дарование наиболее полно. Да он и сам признает это, отмечая однажды, что не поехал на свою любимую дачу только по той причине, что его пригласили в этот день на юбилей Константина Райкина, и пропустить это мероприятие, значило — нарушить «обязательства перед дневником». При этом Сергей Николаевич (или же просто — С.Н., как он сам называет некоторых из описываемых в своём дневнике персонажей) то и дело подчёркивает: «Проза у меня, как всегда, только о себе», «Я из собственной жизни делаю роман», и так далее. В дневниках он пришёл к своему любимому жанру в полной чистоте, без всяких там сюжетов и вымышленных героев...

РАСПУТИН

В один из дней в правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте, 13 проходило обсуждение новой повести Валентина Григорьевича Распутина* «Дочь Ивана, мать Ивана». Патриотические ли-

* Известный прозаик, автор повестей «Прощание с Матёрой», «Деньги для Марии», «Пожар», рассказа «Уроки французского», статьи «Мой манифест» и других произведений. (Умер 14 марта в 2015 года.)

тературные и читательские круги давно хотели услышать художественное слово Валентина Григорьевича, выступавшего в последнее время в основном и редко, и какими-то небольшими и малохудожественными произведениями — публицистическими статьями или рассказиками. И вот — полновесная художественная повесть.

Первое, чего нельзя не заметить в новом произведении Распутина — это откровенной сюжетной переключки с на шумевшим не так давно фильмом Станислава Говорухина* «Ворошиловский стрелок», в котором трое отморозков насилуют чистую и невинную школьницу, а затем преспокойно откупаются от суда и продолжают на глазах у всего городка свои циничные пиршества. Видя бездействие и бессилие нашего правосудия, дед оскорблённой девушки покупает на чёрном рынке винтовку и сам выносит приговор подонкам...

Примерно то же происходит и в повести Валентина Распутина, только здесь за поруганную честь дочери мстит мать, которая изготавливает из ружья обрез и, видя, как суд собирается отпустить насильника на свободу, осуществляет над ним заслуженную кару. Однако, как это всегда и бывает у Распутина, повесть его растекается гораздо шире обозначенного сюжета и заставляет думать не только о сути произошедшего с героиней, но и о том, что происходит со всем русским народом. Ведь если в фильме Говорухина всё чётко поделено на «чёрное» и «белое», то в повести Распутина всё уже далеко не так просто и однозначно. Да, его Светка подверглась грубому насилию со стороны азербайджанского торговца, но ведь незадолго до этого она сама бросила школу и, окончив какие-то курсы, пыталась устроиться работать на рынок. Она ведь и со своим насильником поехала с той целью, чтобы он её устроил на работу к своему брату. И что — она или её мать не понимали, что рано или поздно ей придется лечь под кого-нибудь из кавказцев, как это делают практически все работающие на наших рынках женщины, боящиеся потерять своё место на лотке или в палатке? Ведь практически все российские рынки уже давно и прочно принадлежат «лицам кавказской национальности», которые осознают себя на нашей земле *хозяевами*, однако до тех пор, пока беда не коснётся кого-нибудь из нас *лично*, никто их не стреляет... В том-то и заключается принципиальная разница между фильмом Говорухина и повестью Распутина, что насилие в «Ворошиловском стрелке» носит, так сказать, *разовый* характер — обладание девушкой необходимо пьяным подонкам только сейчас, *в данный момент*, и после удовлетворения своих животных потребностей она им становится абсолютно без надобности, тогда как изнасиловавший Светку азербайджанец в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» и не думает её утром отпускать, требуя, чтобы она родила ему сына, и вообще, относясь к ней уже как к *своей собственности*. Это и есть та самая характерная черта, которую подметил в сегодняшних «хозяевах жизни» В.Г. Распутин: всё, к чему прикасается грязная лапа торговца, превращается в его *собственность* — рынок, женщина, власть, Россия...

Надо заметить, что в повести Валентина Григорьевича вообще очень много символики. Символично уже само её название — «Дочь Ивана, мать Ивана», восходящее к тому же принципу, который мы видим и в приводимом евангелистом Матфеем родословии Иисуса Христа: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его», — и так далее. Стремление вписать героев своего повествования в хронологию *Большой Истории* — черта, характерная как для авторов Библии, так и для древнерусских летописцев, и, давая своей повести название «Дочь Ивана, мать Ивана», Валентин Распутин как раз и пытается показать этим неразрывную цепь продолжения человеческого рода, непрерывный процесс бытия и одновременно с этим — роль своей героини в этом процессе.

* Известный кинорежиссёр, депутат, общественный деятель.

Затем: необычайно жаркий весенний день в повести Распутина не может не напомнить нам собой другой необычайно жаркий весенний день, описанный в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» — и эта перекличка, подчеркивание этой *необыкновенной* жары, её акцентирование писателями кажется отнюдь не случайностью, так как *жар* — это не что иное, как символ *ада*, и авторы как бы сразу настраивают нас на то, что нас впереди ожидает встреча с представителями этого inferнального места. И действительно — то, что случается далее, ничем иным, как бесовщиной, назвать нельзя, причём это касается не только событий романа Булгакова, но и того, что совершается в повести Распутина. Разве надругательство над *чистотой* — это не есть дело рук беса?..

Самое страшное в повести Валентина Распутина — то, что мы должны быть чуть ли не благодарны насильнику Светланы, так как только прямое надругательство над девочкой оказалось способным разбудить в её матери (да и в нас самих) чувство протеста против засилья чужеземцев в России и попрапия ими всех основ нашей жизни. Если бы этого не случилось, все так бы и продолжали спать, терпя воцарение кавказцев..

Жаль только, что повесть Валентина Григорьевича написана несколько длинновато и от этого кажется довольно-таки статичной и немного скучной — из-за этого она очень сильно проигрывает фильму Говорухина, да и вообще немного выпадает из того, что называется *современной* литературой.

* * *

В очередном номере «Дня литературы» напечатан мой обзор последних литературных журналов, но, к сожалению, он оказался немного подсокращённым, и при этом не вошла именно та часть, где я говорю о рассказе Валентина Распутина «В непогоду». Хотя я-то как раз больше всего и хотел высказаться именно по поводу этого рассказа! И вовсе не потому, что Распутина нельзя обойти молчанием по причине его известности, а потому, что этот небольшой рассказец просто-таки требует, чтобы о нём было прилюдно поговорено. Ибо Распутина нельзя читать как *любого другого* автора (и я особенно отчётливо понял это после прочтения его повести «Пожар», в которой до деталей оказалось предсказано всё то, что происходило потом на Чернобыльской АЭС, а несколько позже и по всей России) — поскольку он уже давно, сам того, может быть, даже не ведая, пишет не рассказы, а главы некоего Русского Откровения, в своеобразной притчевой форме показывающие, *что* нас ожидает в нашем шествии сквозь Историю. Поэтому и рассказ «В непогоду» нельзя воспринимать как очередное описание увиденного писателем бурана (да мало ли мы читали подобных описаний, чтоб нас ещё можно было этим удивить?), поскольку в нём описана не столько *метеорологическая*, сколько, я бы сказал, *астрологическая* картина, показывающая, *что* происходит с нашим Отечеством сегодня, и *что* его ожидает в его футурологическом завтра. Да — сегодня на нашу Родину обрушилась страшная мировоззренческая буря: она с треском ломает дубы нашей традиционной культуры и духовности, расшатывает наши хлипкие идеологические и экономические жилища и, как говорит одна из героинь распутинского рассказа, «так и норовит тебя сдуть с земли», но пройдёт ещё какое-то время, и однажды утром...

«Утром, когда я очнулся и выглянул в окно, весь мир был укутан в снег и тишину. Всё было погребено под удивительно белым и чистым, в застывших волнах, снегом. Как будто ничего и не было, как приблизилось от болезненных дум...»

Белое и чистое — это краски Святой Руси, которая, слава Богу, никуда не исчезла, а просто пока что не видна нам за заслонившим всю жизненную перспективу ураганом. Верить в неё и стремиться дожить до неё, не осквернив свою душу унынием и забвением дарованных нам ранее

свыше символов прекрасного — этому-то как раз и учит своего читателя таким простым с виду рассказом как «В непогоду» Валентин Распутин.

* * *

23 мая 2004 года в городе Орле начался XII съезд Союза писателей России. На нём прозвучало немало умных речей, но у меня от него остались в памяти только несколько слов из довольно горькой речи Валентина Григорьевича Распутина, который сказал тогда в своём выступлении, что *«никогда не вернётся золотой век русской литературы, да и серебряный тоже... Будет другая литература... А писать нам надо так, чтобы нас не могли не читать...»*

КУДА ТЕЧЁТ ПРОЗА ПОЛЯКОВА

Юрий Поляков — один из самых ярких писателей нашего времени. Когда-то я с восторгом прочитал его роман «Козлёнок в молоке», а также романы «Замыслил я побег», «Небо падших» и «Грибной царь», книги публицистики «По ту сторону вдохновения» и «Желание быть русским», сборники интервью «Государственная недостаточность» и «Созидательный реванш», ну и многое другое. От книги к книге Поляков всё блистательнее овладевал литературным мастерством, в молодости он был довольно неплохим поэтом, и эта его не обрывающаяся дружба с поэзией то и дело проявляет себя в его творчестве и сегодня, озаряя метафорическим светом страницы его искромётной, радующей читателей прозы. Так было во всех упомянутых выше (и не упомянутых здесь тоже) его книгах, и яркие признаки этого улыбочивого стиля я увидел в его новом романе о писательской жизни и сексе в Советском Союзе.

Поляковская проза течёт, как спокойная прозрачная река, на глади которой то и дело всплескиваются весело сверкающими плотвицами взбадривающие читательское внимание остроумные литературные образы. Это же предстало и в романе Юрия Полякова «Весёлая жизнь или Секс в СССР», в котором мимоходом описывается окружающая главного героя (стопроцентно похожего на автора романа) золотая поэтическая пора, в которой удивительным образом соединяется лирическое настроение автора-героя с его ироническим восприятием мира: «На улице стояла тихая рябиновая осень. Самый конец сентября. Природа всей своей ясной остывающей гармонией укоряла меня за похмельную гнусность. Из оврага тянуло грибной прелью. Подняв капот ржавой «Победы», сосед склонился над прокопчённым кишечником внутреннего сторания...»

Основная черта прозы Юрия Полякова заключается, на мой взгляд, в соединении постоянно выщучиваемого им социалистического быта (включая активно присутствующие в нём алкогольную и интимную стороны жизни) с откровенным сожалением о потере того общественно-политического строя, который в течение семи десятилетий торжествовал в нашей стране, способствуя расцвету великой русской литературы и культуры. В отличие от многих своих коллег по творчеству Юрий Поляков никогда не скрывал (и не скрывает) своих гражданских позиций, высвечивая перед читателями откровенные симпатии к установившемуся в нашей стране после Октябрьской революции социалистическому строю. Сатирический ключ и гражданственная правда являются одними из главных качеств неповторимой прозы Юрия Полякова, который в своём новом романе «Весёлая жизнь...», в частности, так говорит, размышляя об этом:

«Писательской правдой можно отравить читателя до смерти. Прости, прости меня, безвременно погибший великий Советский Союз! В твоём разрубленном на куски теле есть капля и моего литературного яда. Но тогда, утром 27 сентября 1983 года, изучая в зеркале своё опухшее лицо, я ни о чём таком не подозревал и даже придумал ещё один разительный аргумент, чтобы бросить его в лицо запретителям при новой встрече: «Правда лечит, а ложь калечит!» Сильно, да?..»

Правда действительно оказала немалое воздействие на сознание нашего общества (вспомним хотя бы о роли в судьбе СССР книги такого писателя как Александр Солженицын!), хотя эта правда и привела нашу страну не столько к очищению и улучшению, сколько к катастрофическому разрушению, что мы и увидели в результате прокатившейся по стране разухабистой перестройки. Книги Юрия Полякова читаются легко и с улыбкой, они напоминают собой череду объёмистых весёлых анекдотов, но сквозь рассыпанные по всем текстам сатирические пассажи проглядывают тревожные предвидения грозящих нам впереди социальных катаклизмов. Смех 1983-го года уже нёс в себе потрясения приближающихся вместе с завтрашним днём общественных перемен.

«Через три-четыре года всё в литературе переменится до неузнаваемости, — предупреждал нас устами своего героя Георгия Полуякова писатель Юрий Поляков. — Всевозможные нечистоты и фекальные отбросы жизни станут главными темами изящной некогда словесности...»

В своём романе «Весёлая жизнь, или секс в СССР» Поляков с великолепным юмором обрисовывает фигуры ряда известных советских писателей восьмидесятых годов, в которых, несмотря на скрываемые под сатирическими масками-псевдонимами их подлинные имена, легко угадываются такие авторы как Владимир Солоухин (он же Ковригин), Феликс Кузнецов (Сухонин), Николай Дорошенко (Торможенко), Юрий Доброскокин (Доброскоков), Феликс Чуев (Чунин), Анатолий Передреев (Перебреев), Владимир Шлёнский (Шлионский) и многие другие писатели, включая самого Юрия Полякова (Полуякова). Называя свой роман «ретророманом», Поляков не просто имеет в виду, что он посвящён прошлой эпохе, но ещё и сам роман создаёт такое впечатление, будто я его уже однажды читал, и теперь писатель его заново пересказывает, хотя хуже он от этого не становится, потому что Поляков как раз и пытается вернуть нам утраченные годы и утраченную атмосферу. Но правда остаётся правдой, как бы её ни выворачивали и в какую сексуальность не рядили...

ВЕЛИКИЕ УХОДЯТ РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ...

За последние несколько лет Союз писателей России потерял очень много своих членов — умерли Пётр Проскурин, Вадим Кожинов, Игорь Ляпин, Глеб Горышин, Юрий Кузнецов, Сергей Викулов, Татьяна Глушкова, Василий Белов, Валентин Распутин, Сергей Есин, Вячеслав Дёгтев, Эдуард Лимонов, Юрий Мамлеев, Юрий Бондарев и множество других поэтов и прозаиков, по праву считавшихся мэтрами нашей литературы. Размышляя над этим, я написал четыре поэтические строчки, которые могли бы стать частью неплохого стихотворения: «Звезда с небес скользнёт в вечерней темени — / знать, умереть кому-то суждено. / Великие уходят раньше времени: / их жизнь течёт быстрее, чем оно...»

«Я ДЫШУ — И ЗНАЧИТ, Я ЛЮБЛЮ!..»

«Страна любви — великая страна», — написал когда-то Владимир Высоцкий, который мог бы сегодня отметить уже 80 с лишним лет, если бы не ушёл от нас в то олимпийское лето 1980 года. Это одна из лучших его песен, в которой нет разрыва между одинаково высокими уровнями качества поэтического текста, музыки и исполнения:

«Когда вода Всемирного потопа / вернулась вновь в границы берегов, / из пены уходящего потока / на берег тихо выбралась Любовь — / и растворилась в воздухе до срока, / а срока было — сорок сороков... // И чудачки — ещё такие есть — / вдыхают полной грудью эту смесь, / и ни наград не ждут, ни наказанья, — / и, думая, что дышат просто так, / они внезапно попадают в такт / такого же — неровного — дыханья. //

Я поля влюблённым постелю — / пусть поют во сне и наяву!.. / Я дышу, и значит — я люблю! / Я люблю, и значит — я живу!..»

В подавляющем большинстве других песен Высоцкого их тексты вообще имеют с поэзией только самые формальные признаки родства — написание «в столбик», рифмованные окончания строчек да довольно расхлябанные поэтические размеры, усугублённые беглыми гласными (как в «Баньке по-белому») и орфографически неправильными простонародными выражениями.

По сути дела, песни Высоцкого следовало бы относить вовсе не к жанру поэзии, где они всегда будут находиться в роли этаких припёршихся из глухого села неотёсанных дальних родственников, а — к жанру музыкально-поэтического театра, так как практически все они — скорее, эдакие двух-трёхминутные мини-спектаклики, выстроенные с помощью рифмованных диалогов и монологов или же последовательного изложения сюжетной истории от третьего лица. С творениями Владимира Семёновича у меня давние и очень тесные взаимоотношения — я полюбил его песни и голос с самого первого прослушивания, поймав по старенькому радиоприёмнику «Рекорд» один из его первых концертов, который «крутил» в эфире кто-то из местных радиолюбителей. Не знаю, насколько это было распространено в других городах СССР, а в моём родном Донбассе радиолюбители были столь же многочисленны, как и голубятники, и создание собственных радиостанций было почти повальным увлечением. Собственно, созданием небольшой по мощности радиопередающей установки, главным элементом которой являлась катодная лампа 6П-3С, любовь непосредственно к радиоделу у многих этим и ограничивалась. Их простенькой аппаратуры вполне хватало для того, чтобы без всякой регистрации, самозвано выходить в эфир на средних волнах в районе 250 м, болтать с такими же радиолюбителями или тешить жителей городка трансляцией имеющихся под рукой магнитофонных записей. Левый край шкалы средних волн был буквально забит продающимися сквозь трески и хрипы песнями «битлов», Высоцкого и завывающих под гитару блатными песнями местных авторов.

На протяжении более двух десятков лет Владимир Высоцкий был для меня главным кумиром, песни которого я мог слушать день и ночь подряд — до той самой поры, пока не начал ходить в храм, причащаться и читать Евангелие. Потому что, когда я спроецировал написанное моим кумиром на оставленные нам Спасителем заповеди, то с ужасом увидел, что среди них не существует практически ни одной, которую бы поэт так или иначе не переступил в своём песенном творчестве.

Кто знает, может быть, на Страшном Суде эта единственная песня Высоцкого о любви как раз и перевесит собой чашу всей сочинённой им ради красного словца еретической белиберды типа «Песни про непорочное зачатие, плотника Иосифа и святую деву Марию», сопровождающейся кошмарным для души всякого слушающего её человека припевом: «Смейся, смейся, сатана»? Потому что любовь — это самое весомое из того, что нам дано в этой жизни, и она способна искупить собой все наши самые страшные грехи.

«Я дышу — и, значит, я люблю! Я люблю — и, значит, я живу», — написал в своей лучшей песне так и не разлюбленный мною, несмотря на его еретические огрехи, Владимир Семёнович Высоцкий, и я повторяю вслед за ним эти строки, точно целительное заклинание, которое обещает мне впереди ещё долгие и счастливые годы настоящей любви.

СПАСИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Поэтическое слово — это вакцина против духовной гибели народа. Сегодня, когда страна задушена пошлостью и цинизмом, поэзия, наряду с верой, может стать именно тем спасительным средством, которое способно помочь народу вернуть его утраченный нравственный иммунитет.